

Журнальное Обзоріе.

Новая повѣсть М. Горькаго — „Жизнь ненужнаго человѣка.“*) — могла бы быть названа короче, напримѣръ, — „Юродивый“, „Божій человѣкъ“ или, наконецъ, „Чудной.“

За любымъ изъ подобныхъ названий читатель напередъ, не раскрывая книги, угадалъ бы не только героя повѣсти, но и ту народную среду, откуда онъ вышелъ; не возникло бы у читателя обманчивой мысли, что, можетъ быть, писатель поднимаетъ старый вопросъ о такъ назыв. „лишнихъ людяхъ.“ о заѣденныхъ рефлексіей интеллигентахъ, а также не было бы вообще поводовъ къ недоразумѣніямъ, которыя, несомнѣнно, будутъ имѣть мѣсто при ѳѣакѣ новаго произведенія М. Горькаго.

Вообще теперь не умѣютъ авторы давать своимъ дѣтищамъ именъ простыхъ, но сильныхъ и выразительныхъ—такихъ, въ которыхъ бы, какъ небо въ капль воды, отражались и жизнь, и идея ихъ произведеній.

Въ частности, за М. Горькимъ мы считаемъ въ этомъ отношеніи два особенно крупныхъ промаха: названія — пьесы „Послѣдніе“ и новой повѣсти „Жизнь ненужнаго человѣка.“ И то и другое названіе надуманны и не вытекаютъ изъ существа обозначаемыхъ произведеній.

Плохо, когда приходится оспаривать автора въ такомъ пунктѣ, а нельзя не оспаривать.

Въ самомъ дѣлѣ, кто же повѣритъ ему, что, напр., его „Послѣдніе“ — извѣстный слой служилаго сословія — являются въ истинномъ смыслѣ послѣдними представителями тѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ устоевъ — въ жизни семейной, частной и общественно-служебной, — процессъ разложенія которыхъ изображенъ писателемъ въ его пьесѣ?

Итъ, далеко не послѣдніе это отпрыски того дерева, ростъ и благоухающіе цвѣты котораго отмѣчались послѣдовательно въ „Абелѣ“ Капниста, „Ревизорѣ“ Гоголя и въ сатирахъ Салтыкова (Щедрина).

Живъ Кирилка и проживетъ долго,

Точно также не можемъ согласиться съ авторомъ, если онъ хочетъ сказать, что жизнь Евсея Климкова — жизнь ненужнаго человѣка, что этой

ненужностью исчерпывается содержаніе его личности.

Во имя чего должны мы отвергнуть его жизнь, изъ повѣсти не видно. Напротивъ, авторъ все время утверждаетъ эту жизнь и отрицаетъ всю остальную.

Съ личностью Евсея связано столько душевныхъ мыслей о жизни, принадлежащихъ самому автору; свою солидарность съ Евсеемъ авторъ и не старается скрывать, — это ясно по тону повѣствованія и по характеру высказываемыхъ взглядовъ на жизнь.

— Вотъ бы всегда такъ жить имъ, людямъ, — говоритъ, напр., Евсей, наблюдавшій дружную веселую работу на пожарѣ. — Всегда бы горѣло!..

Онъ этого хочетъ, такъ какъ его душа, дѣйствительно, всегда горитъ въ огнѣ мучительныхъ вопросовъ о смыслѣ, цѣли и тайнѣ жизни, подавлена страхомъ передъ ней и передъ людьми, которые такъ злы, враждебны и такъ жестоко обманываютъ другъ друга.

Мы не считаемъ М. Горькаго пессимистомъ, и потому отказываемся такого Евсея признать ненужнымъ человекомъ — признать, что данное названіе выражаетъ полно мысль произведенія М. Горькаго.

Нельзя назвать Евсея Климкова ненужнымъ, лишнимъ въ жизни даже въ смыслѣ неумѣнья приспособляться...

Противъ этого говорить факты его уживчивости съ такими противоположностями, какъ его дядя кузнецъ Петръ или еще другой оригиналъ — Дудка и сыщики — Матвѣй Матвѣевичъ и Доримедонтъ Лукичъ.

Мало этого. Авторъ откровенно указываетъ, что Евсей — „угодливый“ мальчикъ.

„Страхъ передъ людьми рождалъ въ немъ желаніе угодить имъ. Развивалъ готовность на всѣ услуги ради самозащиты“ ...

Драгоценное качество для выживанія, приспособляемости.

Но, очевидно, не въ этомъ центрѣ тяжести въ жизни Евсея,

Тяжела его жизнь. Раиса говоритъ ему: „Плохо тебѣ... это я понимаю... А зачѣмъ ты живешь?“

— Такъ! — хмуро отвѣтилъ Евсей. — Живу. А что же дѣлать?

— Я думаю, удавишься ты, — ласково сказала Раиса и не замѣтила, что обидѣла этимъ Евсея.

Раиса сама зарѣзалась, и въ нея вопросъ Евсею: „Зачѣмъ ты живешь?“ слышится скорѣе ея собственная мучительная дума о своей жизни, а въ ласковомъ пророчествѣ: „я думаю, удавишься ты“ — горькое под-

*) Сборникъ Т-во „Знаніе“, 24 кн.

ведение итога собственной „ненужности“.

Такъ ее и понималъ Евсей, зло подумавъ: „Смотри, сама не удавись“!..

II.

Общая неудовлетворенность жизнью проходить красной нитью въ повѣсти М. Горькаго.

Пусть „всѣ любятъ драться, любить смотрѣть, какъ дерутся“, пусть „всѣ любятъ быть жестокими“, и никто никого не жалѣетъ.

Суть дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что „было ясно видимо общее раздраженіе на порядокъ жизни; всѣ громко жаловались на тяжесть ея“...

У всѣхъ, слѣдовательно, одинаковый червякъ сосать сердце, и потому съ этой стороны „ненужный человекъ“ раздѣляетъ судьбу всѣхъ.

Но „онъ не такой, какъ всѣ“, и мы будемъ ближе къ истинѣ, если взглянемъ на него, какъ на юродиваго, какъ на человека не отъ міра сего. Такихъ людей жизнь не только не отвергаетъ, но, дѣйствительно, выдѣляетъ изъ ряда другихъ, какъ самъ себя выдѣлилъ Евсей.

Подобныя Евсею жертвы—дѣти всегда появляются въ эпохи, когда жизнь народная выходитъ изъ своего устойчиваго положенія. Наша исторія знала много такихъ „юродивыхъ“,—обычно на религіозной почвѣ, такъ какъ религія опредѣляла раньше сознаніе людей.

Теперь жизнь значительно сложнее и разнообразнее, и повѣйшій переломъ въ народной жизни получилъ новое отраженіе въ психологій молодого поколѣнія.

Знаменательно, что совершенно независимо отъ Горькаго и одновременно съ нимъ, къ тому же обществу явленію подошла г-жа Л. Авилова. (См. ея очерки „Капля въ морѣ“... въ „В. Евр.“, за ноябрь).

Авилова пишетъ о переживаніяхъ „совсѣмъ еще зеленой молодежи“ интеллигентскаго круга, и у ней такъ же есть свой Евсей—Павликъ, которому мѣшаютъ радостно жить страшная дѣйствительность. И большинство молодежи—обобщаетъ Авилова—„вотъ этикіе... надломленные, невинно замученные какой-то громадной общественной совѣстью“...

Такимъ же представляется и Евсей Климковъ.

Онъ рано остался круглымъ сиротой на селѣ. И гнилое дыханіе на родное село тонкаго болота, и злобѣйшій пугающій дискъ луны, казавшійся огромнымъ и краснымъ сквозь туманъ, болотныхъ испареній, какъ бы символизировали всю жизнь

Евсея. Ребенкомъ онъ прятался отъ луны и ночью мучился отъ тяжелыхъ сновидѣній—очень рано сталъ онъ прятаться и отъ людей.

Дѣти-сверстники издѣвались надъ нимъ и больно били.

И жилъ онъ молча, одиноко, всегда гдѣ-то въ тѣни, въ уголкахъ и ямахъ. Круглыми глазами, не мигая, смотрѣлъ онъ оттуда на людей, незамѣтный, опасно съежившійся. И молча, терпѣливо выносилъ жестокіе побои. Пушистые листья злого, никѣмъ нелюбимаго растенія—красивы, которыми онъ прижигалъ ушибленные мѣста, облегчали его боли...

— Затѣмъ меня всѣ обижаютъ?—тоскливо спрашиваетъ онъ дядю, у котораго живетъ, кузнеца Петра.

— Не знаю, сирота,—отвѣчалъ дядя, подумавъ.

Кузнецъ Петръ былъ совсѣмъ особенный мужикъ на селѣ, и ему Евсей повѣрялъ свои раннія думы о жизни.

— А можно такъ жить,—спрашивалъ Евсей,—чтобы и ходить вездѣ, и все видѣть, только чтобы меня никто не видѣлъ?

— Невидимкой?—спросилъ кузнецъ. И, подумавъ, отвѣтилъ:—Надо полагать, нельзя этого!

Потомъ повернулъ къ племяннику черное лицо и серьезно добавилъ:

— Такъ-то, конечно, хорошо бы, сирота...

Нерѣдко случалось подслушать Евсею, какъ дядя, работая у горна, жаловался въ неизвѣстное пространство:—Распроклятая ты жизнь—судьба тяжелая... ни красоты, ни радости.

Подобныя жалобы, гармонируя со всѣмъ окружающимъ, глубоко западали въ душу мальчика.

Онъ видѣлъ: всѣ люди были злы, устали отъ злости, пьянствовали, дрались, обижали другъ друга тяжелыми обидами. Каждый добивался власти надъ другими, а надъ собой былъ не властенъ, не видно было человека, который не боялся бы чего-нибудь, вся жизнь была насыщена страхомъ и онъ разжедалъ людей.

Вотъ гдѣ узелъ всей психологій Евсея Климкова, вотъ что стало центромъ его сознанія и что составляетъ основной мотивъ всей новой повѣсти М. Горькаго, поскольку объ этомъ можно говорить на основаніи опубликованной ея части.

Вся жизнь насыщена страхомъ. Передъ этимъ фактомъ должны умолкнуть споры объ одной ненужной жизни. Не жизнь одного ненужнаго

человѣка занимаетъ писателя, а общее дѣло жизни всѣхъ людей.

— А люди для чего?—продолжаетъ пытаться кузнецъ Евсей послѣ вопросовъ о Богѣ и нечистой силѣ.

— А люди—они, стало быть... вообще... для всего... Безъ людей не обойдешься... и-да...

— Они—для Бога?

Кузнецъ искоса посмотрѣлъ на племянника и не сразу отвѣтилъ:— Конечно...

Потомъ потеръ руки о передникъ и, глядя въ огонь горна, заговорилъ:

— Я этихъ дѣловъ не знаю, сирота... Ты бы учителя спросилъ... а то попа...

— Я боюсь ихъ...

— Лучше бы тебѣ не говорить про эдакое,—серьезно посовѣтовалъ дядя Петръ.—Малъ ты. Ты гуляй себѣ, здоровья нагуливай... Жить надо здоровымъ; если не силенъ, работать не можешь—тутъ совсѣмъ нельзя жить. Вотъ-те и вся премудрость... для насъ! А чего Богу нужно,—намъ неизвѣстно.

Евсей слушалъ рѣчи кузнецъ, и легко запоминалъ ихъ; онъ одѣвали его сердце въ жуткій трепетъ ожиданія и въ немъ незамѣтно сложилась надежда, что однажды онъ увидитъ нѣчто особенное, не похожее на жизнь въ селѣ, на пьяныхъ мужиковъ, злыхъ бабъ, крикливыхъ ребятишекъ, что-то совсѣмъ иное—безъ шума, злобы и дракъ, ласковое и серьезное, точно церковная служба...

Тѣ же мечты навѣвала на него и старая деревянная церковь, съ ея миромъ, тишиной, ласковымъ сумракомъ и мотивами пѣснопѣній. Вообще „было въ церкви много хорошаго“.

Тамъ впервые родилось чувство жалости у ребенка, о чемъ авторъ рассказываетъ слѣдующее. Въ притворѣ церкви находилась картина, изображавшая, какъ святой поймалъ чорта и бьетъ его. Святой былъ темный, высокій, и жилистый, съ длинными руками, а чортъ—красненькій, худощавый недоростокъ, похожій на козленка.

Сначала Евсей не смотрѣлъ на чорта, ему даже хотѣлось незамѣтно плюнуть на него, а потомъ стало жалко несчастнаго чертенка и когда вокругъ никого не было, мальчикъ тихонько гладилъ рукой искалѣченную страхомъ и болью козлиную мордочку нечистаго.

Къ сложившейся подъ такими влияніями и въ такомъ направленіи психологіи городъ, куда дядя отвезъ

племянника въ услуженіе книготорговцу Распопову, ничего новаго не прибавилъ.

Онъ только обострилъ въ душѣ Евсея съ одной стороны этотъ страхъ, а съ другой—,ожиданіе чего-то иного, непохожаго на видимое, окружающее“. А также отнялъ у мальчика и чувство жалости, когда онъ узналъ, что никто никого не жалѣетъ.

Городъ вообще не нравится Евсею. Работали въ городѣ больше, чѣмъ въ деревнѣ, и злились крѣпче, острѣе. Жили безпокойно, шумно, торопливо.

Новыя породскія впечатлѣнія и разговоры только „утверждали ощущение тайны, враждебно-облекающей всю человѣческую жизнь“.

И жизнь въ городѣ не разъ обращалась къ Евсею своими острыми углами, драматическими положеніями, какъ напр., въ печальной судьбѣ стекольщика мальчика Анатолия, въ отравленіи и удушеніи Раисой старика Матвѣя Матвѣевича и въ отношеніяхъ Евсея къ Раисѣ.

Не можемъ не поставить въ упрекъ автору, что онъ слишкомъ многословно отъ себя описываетъ настроенія и мысли „ненужнаго человѣка“ вмѣсто того, чтобы дать это почувствовать читателямъ въ художественно-созданномъ образѣ и въ рядѣ картинъ реальной жизни, какъ это и достигнуто имъ въ обрисовкѣ фигуръ Матвѣя Матвѣевича, Доримедонта Лукича и Раисы Петровны.

На этотъ, можетъ быть, неизбежный приѣмъ по отношенію къ „ненужному человѣку“, который играетъ пассивную роль, не умаляетъ большихъ достоинствъ новой повѣсти Горькаго.

Она глубоко интересна не только въ силу затрагиваемыхъ въ ней важныхъ нравственныхъ и общественныхъ проблемъ, но еще болѣе потому, что писатель пытается раскрыть передъ нами запросы народной совѣсти, останавливаетъ наше вниманіе на сѣрыхъ людяхъ, чуждыхъ культуры, —на томъ, чѣмъ меньше всего занимается теперь художественная литература.

И что важнѣе всего: Горькій остается истиннымъ художникомъ даже въ изображеніи такихъ людей, какъ сыщики, т. е. тамъ, гдѣ болѣе опасность предвзятыхъ мнѣній, фальши и шаблона. Онъ и къ сыщикамъ подходитъ, какъ къ обыкновеннымъ людямъ, которымъ ничто человѣческое не чуждо, и даже усиленно подчеркиваетъ ихъ обывательщину и слабости.

И Матвѣй Матвѣевичъ, и Доронъ донть встають передъ читателями какъ живые, но именно, какъ живые люди, а не представители извѣстныхъ профессій. Гнусны они своими природными свойствами, которыя однократно проявились бы въ нихъ и другихъ дорогахъ жизни.

Но и для нихъ жизнь насыщена страхомъ, и они не господа ея, рабы.

Какимъ жалкимъ, безпомощнымъ кажется старикъ Распоповъ въ сльдней сценѣ передъ удушеніемъ Райсой, женщиной съ овечьими повазками!

И мы готовы съ нимъ примириться, когда онъ безсвязно, страстно выкивается „милой Раѣ“, что никого, него нѣтъ,—одна только она... Пала, которая чѣмъ-то травитъ его.

У Матвѣя Матвѣевича, какъ и всѣхъ людей, была обίδα въ жизни. И, кто знаетъ, не мститъ-ли онъ нее своей страшной дѣятельностью провокатора—торговца „запрещенными книжками.“

Вспомните ужасъ и растерянность этого старика, когда предъ нимъ въ кресло былое послѣ брошенной ея въ лицо фразы, однимъ покупателемъ признавшимъ его:

— „Вы еще не издохли? Ка

жалко“ ...

Вся душа старика встрепенулась, онъ судорожно цѣпляется за жизнь, ищетъ оправданія своему праву на нее. Иносказательно, но довольно прозрачно онъ устанавливаетъ связь въ стоящаго своего положенія съ преступимъ, рассказывая Райсѣ дома, послѣ случая въ лавкѣ:

— Живетъ человѣкъ, у него жена свой домъ, небольшой домишко, садъ огорождъ. Коровы. Все нажито, вѣщада себя... Является молодой человекъ, милый, чистый, хорошій.

Поселяется у нихъ, и разрушаетъ только что нарисованную идиллію, сдѣлавъ жену того человѣка, т. е. Распопова, прозелиткой своей политической вѣры.

Распоповъ продалъ „милаго, хорошаго человѣка“, и его карьера опредѣлилась...

Отъ прежней идилліи, уцѣлѣвшей только привычка къ хорошей ѣдѣ и вѣбшней опрятности.

— Я всегда кушаю только хорошее,—говоритъ онъ поступившему къ нему въ услуженіе мальчику Евсею.

Въ подобныхъ штрихахъ обнаруживается величайшее мастерство художественной кисти М. Горькаго. Человѣкъ для него выше всего...

П. В.—ий.